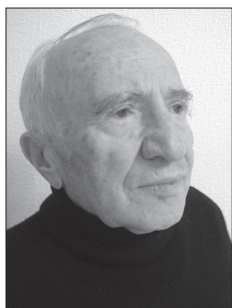

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2020-22-1/2-200-211

Д.И. ДУБРОВСКИЙ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОФЕССИЯ, КАРЬЕРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ. Часть 2 (апрель 2019 г.)

***Аннотация:** В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен подвести итог своей многолетней деятельности и сделать вывод о том, что ему удалось и что не удалось сделать. Главный герой настоящей беседы — профессор Дубровский Давид Израилевич — прошел сложный и длинный жизненный путь. За его плечами годы войны, учебы и успешной карьеры в философии, которая выбрала его, а он выбрал её и ни разу об этом не сожалел.*

Профессиональное становление Д.И. Дубровского проходило в конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. в условиях сталинского режима. И, несмотря на идеологические и бюрократические препятствия, ему удалось добиться невозможного — получить философское образование и защитить кандидатскую диссертацию. По большому счету мы имеем дело с самородком, у которого не было непосредственных наставников. Ему приходилось прокладывать дорогу в философии самому, преодолевая невероятные трудности. Вся жизнь Давида Израилевича — свидетельство борьбы за честное профессиональное существование и личное достоинство.

В итоге упорного труда сложилась полноценная исследовательская программа, ориентированная на поиск и решение фундаментальных философских проблем. В центре внимания Д.И. Дубровского — соотношение биологического и социального, телесного (физического) и духовного, мозга и сознания, индивидуального и общественного сознания. Им разработано теоретическое решение основных вопросов в книге «Проблема “Сознание и мозг: Теоретическое решение”». В отстаивании своего понимания истины он не боялся выступить против общепринятых представлений и признанных авторитетов. Его диссертация с Э. Ильенковым по проблеме идеального вошла в историю отечественной философии.

Дубровский Давид Израилевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: ddi29@mail.ru;

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

фии второй половины XX века. Дискуссия получила продолжение в бурном обсуждении знаменитого Загорского эксперимента со слепоглухонемыми.

Сегодня Д.И. Дубровский — не только автор собственной философской программы, но и постоянный участник научных советов и семинаров по проблемам сознания и искусственного интеллекта. Он разработал свой подход основных категориальных измерений философии, соединяющий онтологический, эпистемологический, аксиологический, праксеологический и экзистенциальный аспекты решения философских проблем, в т.ч. проблемы фундаментальной асимметрии в познавательной и практической деятельности человека. Давид Израилевич лично знаком с Далай-ламой и провел с ним ряд дружеских встреч. Не забывает он и о семье, которая окружает его постоянной заботой, а также о занятиях каратэ, укрепляющие силу духа. Во всех его занятиях философия составляет жизнеутверждающий стержень. Служению ей он посвятил больше 60 лет своей жизни.

Abstract: *The moment comes in every person's life when he must sum up many years of his activity and decide what he succeeded or failed to do. The main hero of this conversation, Professor David I. Dubrovsky, went through laborious and long life journey. He has years of war, learning and successful philosophical career behind him; as philosophy had chosen him so he has chosen philosophy and never regretted about this.*

His professional development began in the late 1940s and the first half of 1950s under the Stalinist regime. Despite ideological and bureaucratic obstacles, he's been able to do the impossible — to get an education and defend his Candidate thesis. By and large, he is a nugget; his growth was without direct mentorship. He had to pave his way in philosophy for himself, overcoming improbable difficulties. The whole life of David Izrailevich is the record of struggle for honest professional existence and personal dignity.

The outcome of his lifework is the full-fledged research program aimed at search for and solution of fundamental philosophical problems. In its focus there lies the relationship between the biological and the social, the bodily and the mental, between brain and consciousness, individual and social consciousness. He elaborated the philosophical solution of the main aspects of consciousness—brain problem. In defending his understanding of the truth, he was courageous in attacking generally accepted notions and recognized authorities. His discussions with E. Ilyenkov on the problem of the ideal have entered into the history of Russian philosophy of the second half of the 20th century, and it was continued in enthusiastic discussion of famous Zagorsk experiment with the blind deaf mutes.

Nowadays Professor Dublovsky is not only the author of his own philosophical program but also the regular participant of scholarly councils and seminars on problems of consciousness and AI. He developed his own approach to the main categorical dimensions of philosophy that combines ontological, epistemological, axiological, praxeological and existential aspects of solving philosophical problems, including problems of fundamental asymmetry in cognitive and practical human activities. David Izrailevich is personally acquainted with Dalai Lama and had some friendly meetings with him. Also he does not forget about his family that surrounds him with constant care and about karate classes that strengthen the mental power. In all his studies the philosophy constitutes life-affirming core. Sixty years of his life are devoted to serving her.

Ключевые слова: философия, человек, биологическое, социальное, биосоциальная проблема, духовное, телесное, сознание, мозг, разум, информация, искусственный интеллект, ценности, познание, самопознание, преобразование, самопреобразование, знание, незнание, кризис цивилизации, философия будущего, поколения в философии, критика, Далай-лама, семья, здоровье, восточные единоборства.

Keywords: *philosophy, man, the biological, the social, bio-social problem, the mental, the bodily, consciousness, brain, mind, information, artificial intelligence, values, cognition, self-cognition, transformation, self-transformation, knowledge, ignorance, civilization crisis, philosophy of the future, generations in philosophy, critics, Dalai Lama, family, health, Oriental martial arts.*

Ю.М.: *Давид Израилевич! Продолжим наш разговор. Я знаю, что у Вас много последователей и учеников, как тех, кого Вы лично знаете, так и совершенно незнакомых Вам людей. Многие из них приехали недавно поздравить Вас с юбилеем. Извините, что задаю прямой вопрос. Что представляет собой «философское направление Д.И. Дубровского»? На какой идейно-теоретической платформе оно строится? Что из Ваших идей легло в основу философских исследований Ваших последователей или учеников?*

Д.И.: Дорогой Юрий Михайлович, вы умеете ставить в упор трудные, оригинальные, иногда нелюбимые вопросы. Ответ на них предполагает восхваление или осуждение себя и надо найти какую-то среднюю тональность. Придется ещё раз постараться.

Вы спрашиваете: Что представляет собой «философское направление Д.И. Дубровского»? Лестный вопрос. Можно подумать, что я создал или у меня есть свое «философское направление». Ничего этого, конечно, нет. Но есть, как у каждого, своя направленность размышлений, свои предпочтительные проблемы, свой стиль работы, находки и неудачи. И здесь, конечно, могут быть сильно или слабо выражены личностные особенности. В ответах на предыдущий вопрос я рассказал почти обо всем главном, что мной сделано за долгую жизнь, и можно было судить о моей «идейно-теоретической платформе». Но кое-что существенное можно добавить.

На весь путь моей профессиональной жизни наложило печать «одиночество» первых 5-7 лет занятий философией в Донецке, о чем я подробно говорил. Все сам! И тема кандидатской диссертации, и мучительный процесс работы над ней. Не с кем посоветоваться, никто не может помочь. Многие мне дали, я уже говорил, профессора-медики (клиницисты и заведующие кафедрами анатомии, гистологии, физиологии). Но от философов я не получал сколько-нибудь существенной поддержки и при работе над докторской диссертацией. Да, с некоторыми я общался, но они были далеки от волновавших меня вопросов. Те же из моих знакомых, кто рассуждал о них, были мало компетентны в этой области. Единственным, кто сообщал мне дельные замечания и проявлял искренний интерес к моей теме, был Геннадий Гургенидзе, но он был далеко — в Москве.

Лишь после того, как диссертация была написана и представлена к обсуждению, появились оппоненты — и доброжелательные, и враждебные. Тут уж мне «помогали» и стимулировали мои размышления многие. Надо сказать, что накануне защиты и после нее я продуктивно обсуждал ряд важных тем, поднятых в книге «Проблема “Сознание и мозг”: Теоретическое решение», с А.С. Спиркиным и Б.В. Бирюковым, которые были официальными оппонентами по моей докторской диссертации.

Говорю обо всем этом, чтобы объяснить мою привычку к «самостоятельности». Я никогда не примыкал ни к каким группам, пользовавшимся влиянием, иногда вполне заслуженным, а иногда наоборот. Обычно во главе их стоял известный философ, занимавший административную должность, часто имевший академическое звание. Причастность к группе означало поддержку некой «концепции», некоего направления, образа мысли, и это давало зримые преимущества. На конференциях и в публикациях

«свои» поддерживали друг друга, обильно цитировали лидера группы и опять же «своих»; не говорю уже о добыче грантов и участия в них. Я всегда старался сохранять независимость суждений, часто дискутировал со своими коллегами и потому оставался немного «чужим» даже для тех, с кем работал рядом и занимался одной и той же проблематикой. Это немного затрудняло жизнь, но зато избавляло от излишних мелочных обязательств, от подлаживаний к кому-то и подыгрываний, от укоров совести.

Я занимался многими философскими проблемами, но писать старался о том, что допускало концептуальный подход, требовало четкой постановки вопроса, прояснения принятых исходных посылок, основательной аргументации и выводов (желательно с критикой альтернативной позиции). Должно быть ясно и понятно, что именно автор *обоснованно* утверждает или отрицает.

Это и есть концептуальность, она, конечно, отличается от концептуальности в естественных науках. Но без нее нет основательного философского знания. И она позволяет наиболее эффективно поддерживать связь философского знания с научным. Я хорошо понимаю и поддерживаю многообразие философских жанров. Сам писал философские эссе и публицистические статьи. Но сейчас, когда в философских текстах столь часто наблюдается чрезвычайная словесная избыточность и неопределенность, надо повысить роль концептуального жанра в философской литературе.

Важным принципом моей философской деятельности является тесная связь с наукой. Я много сил и времени отдал изучению тех областей науки, которые прямо касались проблемы сознания и шире — проблемы человека. Это в основном — нейронаука, психология, психиатрия, психоневрология, психогенетика, вопросы искусственного интеллекта. Я дружил с выдающимся генетиком Владимиром Павловичем Эфроимсоном в последние годы его жизни и это было большим подарком судьбы, служило важным стимулом для моей философской деятельности (см. на моем сайте статью о нем).

То же самое могу сказать о выдающемся психиатре и психотерапевте Гагике Микаэловиче Назлояне, который, благодаря созданному им методу, излечил и вернул к нормальной жизни сотни больных шизофренией и другими тяжелейшими психическими заболеваниями. Со студенческой скамьи и затем много лет он был моим прилежным учеником, а потом во многом стал моим учителем. Я тесно общался со многими крупными учеными. Связь с наукой у меня была и остается прямой и обратной. Я не только использовал данные науки, но и разрабатывал ее методологические вопросы, что имеет существенное значение для ее развития, а в ряде отношений и для эпистемологии.

Меня в прошлом не раз называли сциентистом. Но это смешно. Ведь занимаясь наукой, я хорошо сознавал не только ее выдающуюся роль в познании, но и ее ограниченность, не раз писал об этом. Более того, важнейшим стимулом моей философской деятельности были поэзия, художественная литература, история. Без этих составляющих духовного мира философский ум узок и «засушен». Поэзия — моя отрада, спасение от ментальных тупиков, в которые попадаешь при размышлении о сложных проблемах. Гениальные поэтические метафоры доставляют эстетическое наслаждение, но вместе с тем, пересекая границы противоположных смыслов, создают новые измерения в наших ментальных структурах. У меня хорошая библиотека не только великой русской поэзии, но также испанской, французской, немецкой, английской. На прошлой неделе я перечитывал сборник немецкой поэзии XVII в. (Андреас Грифиус, Мартин Опитц и др.). Какие замечательные стихи, созвучные во многом нашему времени.

Я очень люблю историю, могу назвать себя чуть ли не специалистом по трем ее периодам: эпоха римских цезарей, Французская революции и Наполеон, времена сталинских репрессий и Великая отечественная война. По этим трем периодам у меня собрана очень большая библиотека. Многие десятилетия я перечитываю, просматриваю эти книги, проводя сравнения с нашим временем. Можно долго рассказывать, что это дает философскому уму. Тацит, Тит Ливий, Макиавелли (в первую очередь, с его «Историей Флоренции»), Карамзин, Тарле и многие другие крупные историки — это великолепная школа познания человека и социального устройства, познания самого себя.

В последние годы я много занимаюсь историей Великой Отечественной войны, анализирую операции, проведенные нашими главными полководцами. Написал ряд статей, собрал большой материал обо всех этапах военной деятельности маршала Жукова, которые могут сильно поколебать прочно приставший к нему лейбл «Маршала Победы». Давно хочу изложить все это, но, боюсь, не хватит уже сил и времени.

Отвечая на ваши вопросы, иногда не вполне прицельно, я старался отметить индивидуальные особенности моего опыта участия в философской жизни, который может быть в чем-то полезен моим молодым коллегам. Что касается использования моих результатов другими, то это, скорее всего, могут быть положения развитой мною концепции субъективной реальности и теоретического решения основных вопросов, поставленных в книге «Проблема “Сознание и мозги”: Теоретическое решение» [2]. Предложенный мной информационный подход был поддержан такими выдающимися нейрофизиологами, как Р. Сперри и Я. Сентаготаи, даже нашел отражение в учебниках по нейрофизиологии.

Ю.М.: Давид Израилевич! Поговорим о поколениях в философском сообществе. Я рад тому, что в нашем институте работают представители 4 поколений. Это поколения 25-40 лет, 40-60 лет, 60-80 лет, свыше 80 лет. Вы лично принадлежите к поколению тех, кому уже за 80 лет. Как сказал недавно академик А.В. Смирнов, выступая на общем собрании института, таких «старожилов» у нас осталось 36 человек. Это очень большой показатель для академического учреждения.

Должен признать, что Ваше поколение (т.е. те, кому сегодня за 80-85 лет) по-прежнему занимает ведущие позиции в философском сообществе. Начиная с 1960-х гг., представители Вашего поколения руководили авторскими коллективами, секторами, отделами и целыми институтами, становились членами-корреспондентами и академиками РАН. Вам принадлежат фундаментальные труды, которые изменили наши представления о многих философских темах. Наконец, Вам удалось, несмотря на распад СССР, найти в себе силы и остаться в строю. Я считаю, что именно благодаря усилиям Вашего поколения Институт философии во многом сохранил своё лицо (в научном и юридическом планах). Сегодня ситуация меняется. На руководящие позиции пришли молодые люди. Правда, и представители «среднего» поколения (40-60 лет) продолжают играть важную роль.

Поэтому мой вопрос заключается в следующем: считаете ли Вы, что сохранена преемственность поколений в философском сообществе? Насколько Ваше поколение справилось с этой задачей, т.е. с подготовкой достойной смены? Смогут ли сегодняшние молодые исследователи продолжить начатое Вами дело? В чем Вы видите также заслугу «среднего» поколения (40-60)?

И в завершении данной группы вопросов еще один: кого из представителей молодого и среднего поколения Вы назвали бы сегодня лидерами отечественной философии?

Д.И.: Я согласен с вами, что философы самого старшего поколения по-прежнему занимают ведущие позиции в философском сообществе (я имею в виду и недавно ушедших из жизни Степина, Горохова, Юдина, Межуева, Гуревича и др.). Но им осталось недолго занимать эти позиции. Кто пришел и придет им на смену? У меня нет однозначного ответа. В одних случаях смена была достойной, в других нет. Во всяком случае, смена руководства Института прошла, на мой взгляд, успешно.

Процесс смены поколений мучительный и противоречивый, особенно в Академии наук, где он идет крайне медленно, с большими опозданиями. Хочу поделиться одним сильным впечатлением. Несколько лет тому назад состоялось Общее собрание Российской академии наук на тему «Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы». Мне предложили выступить на нем с докладом (наряду с К.В. Анохиным, А.М. Иваницким, Т.В. Черниговской). Почти два часа я сидел в президиуме, ждал своей очереди и обзирал всю Академию наук – 1500 человек, в зале амфитеатром, разделенном на сектора. Видел всех академиков и член-корроров! Но не просто видел, а последовательно изучал по секторам и рядам, вглядываясь в лица. Подавляющее большинство – это пожилые и очень пожилые люди, уставшие, помятые жизнью, «в глазах – осень» (по Бабелю). Тяжкое зрелище. Я сам очень пожилой, но хорошо понимаю, что есть непреложные законы жизни и смерти.

Как же мы допустили такое одряхление Академии? Давно надо было провести реформы, омолодить её. То, как поступает сегодня наши руководители государства с Академией, обусловлено во многом недостатком её жизненных сил и бюрократическим типом её организации. Тем не менее, именно в Академии сосредоточена фундаментальная наука, без развития которой нельзя рассчитывать на успехи новейших технологий. И беда в том, что сугубо прагматический ум наших руководящих чиновников понять этого оказывается не в состоянии.

Что касается перспектив нашего Института в будущем, если речь идет, скажем, о двух десятилетиях, то в условиях быстро нарастающего глобального кризиса нашей цивилизации трудно строить оптимистические прогнозы. Хотелось бы верить, что в ближайшие 10 лет Институт станет более компактным, существенно повысит профессиональный, творческий уровень деятельности, способность решать актуальные задачи жизни общества.

Ю.М.: В своей области Вам приходится сталкиваться с разными, иногда противоположными Вашим мнениями и позициями. Кого Вы считаете своим главным идейным или научным оппонентом? Связывают ли Вас с ним не только научные, но и человеческие узы? И как Вам удается, ведя яростные споры, сохранять прекрасные человеческие отношения с коллегами?

Вы обладаете не только высоким научным рейтингом, но и колоссальными связями в России и за рубежом. Что для Вас лично является наиболее значимым условием для поддержания тесных научных контактов – сходство позиций, духовная близость, взаимодополнительность? Что еще?

Кстати, читаете ли Вы книги своих коллег из института, которые далеки от Ваших философских интересов? И кто из них пользуется в Ваших глазах наибольшим успехом?

Д.И.: У меня нет главного идейного и научного оппонента. Очень давно им был Э.В. Ильенков (см. прим. 1). До сих пор моими оппонентами остаются многие его сторонники, но они не заслуживают особого внимания, их теоретический уровень, извините, ниже плинтуса. Я пару раз коротко отвечал на их инсинуации только для

того, чтобы показать, как устойчивы догматические клише полувековой давности. Есть, правда, такие сторонники Ильенкова, которые являются известными философами и их, конечно, нельзя упрекнуть в низком теоретическом уровне, но они меня «не трогают», «не замечают», просто превозносят Ильенкова, обходят провалы в его концепции и его яркую идеологическую ангажированность, замалчивают нашу дискуссию. Недавно вышла книга, специально посвященная дискуссиям в советской философии второй половины XX в. Там есть всё, что угодно, но о нашей дискуссии — ни слова. Интересно, не правда ли?

К сожалению, среди сотрудников Института и крупных философов у меня практически нет оппонентов. Два-три человека за последние 10 лет высказывали по моему адресу краткие критические замечания. Но у меня сложилось впечатление, что они не читали моих работ, на которые ссылались. С оппонентами, дискуссиями дело у нас обстоит очень плохо. Все заняты своим, чужое им не интересно, читать некогда, даже когда коллега пишет на ту же тему. Дефицит принципиальных дискуссий, критических обсуждений предлагаемых концепций резко снижает продуктивность нашей философской деятельности.

Появляются любопытные феномены. Под названием «теории» или «концепции» в философской литературе иногда годами фигурирует, воспроизводится, десятки раз упоминается некое построение. Оно «развивается» автором и его учениками (нередко за гранты!), к нему привыкают, его никто не критикует и со временем автор и близкие к нему люди начинают говорить о нем, как о «большом вкладе» и т.п. Но на поверку, — стоило только кому-то провести серьезный критический анализ, — оказывается, что это сплошной блеф или же рыхлое, полное противоречий и неопределенностей образование. Я мог бы привести много таких примеров, но ограничусь лишь одним — «теорией сознания» В.М. Аллахвердова, претендующей, не много ни мало, на роль «теоретической основы» современной психологии (см. примечание 2).

Я не раз выступал с публикациями в критическом жанре, считал это своим долгом и призывал своих коллег к критике моих концепций. Ряд существенных и полезных критических замечаний в адрес моей концепции высказано близкими мне людьми — С.Ф. Нагумановой и А.Ю. Алексеевым, у которых я был научным консультантом по докторским диссертациям (кстати, они успешно их защитили). Мне приходилось не раз полемизировать с В.А. Лекторским и другими сотрудниками нашего сектора, но это несколько не отразилось на наших дружеских отношениях. Моя довольно острая критика концепции В.В. Васильева не помешала сохранить с ним добрые отношения.

Я опубликовал также четыре статьи, специально посвященные подробному критическому анализу концепций таких ведущих представителей современной аналитической философии, как Т. Нагель, Дж. Серл, Д. Деннет, Д. Чалмерс. При встрече с Серлом мы дружелюбно беседовали, а Чалмерс, которого я критиковал весьма основательно, особенно за его склонность к панпсихизму, и который прочел посвященную ему статью, выступая с докладом в МГУ, даже нахваливал мою концепцию, а потом мы с ним хорошо общались и выпивали в ресторане. По моим наблюдениям, западные философы более терпимо относятся к деловой критике.

Теперь хотелось бы остановиться на самой проблеме философской критики и самокритики. Философ должен постоянно сохранять критическую интенцию, пусть и неявную, к давним и новым концепциям, но в то же время и к своим собственным. В основе этого лежит рефлексия ограниченности человеческого разума. Озабоченный

своими проблемами, философ должен помнить, что всегда находится в допроблемной ситуации, стоит на краю бездны *незнания о незнании* и обязан заглядывать туда, после чего будет вынужден «поправлять» свой неизбывный трансцендентальный нимб.

Наш разум создает всевозможные компенсации свой земной ограниченности, которые должны служить предметом анализа и учета при оценке философских концепций. Но тут для меня важен и такой во многом интуитивный корректор идей и концептуальных построений, который можно было бы назвать *философским здравым смыслом*. Это своего рода сплав опыта размышлений, касающихся истории социального бытия, критериев реального и нереального, разнообразия философских идей и концепций, понимания основного ассортимента интеллектуальных игр, в которые играют философы и деятели культуры, Это — интеграл опыта размышлений о том, что все великие и малые философы — идеалисты, материалисты, дуалисты, скептики, релятивисты и т.д. и т.п. — не более чем гомо сапиенсы, со своими символами веры, концептуальными предпочтениями, амбициями, ментальными завихрениями. Другими словами, речь идет о природе человека.

Какую бы позу ни принимал философ, кем бы ни мнил себя, какие бы «миры» ни сооружал, он не может отрешиться от себя, от своей человеческой природы. Отсюда следует необходимость понимания природы человека, свойственной всем народам, во все века, при всех общественных устройствах, что указывает на ее биологическую основу. А вместе с этим требуется учет того, что не только позитивные её свойства, но и негативные, такие как алчность, агрессивность, крайний эгоизм всегда были присущи человеку. Почитайте «Характеры» Теофраста, вы там найдете много своих знакомых. А вот перед нами люди города Ура, жившие почти четыре тысячи лет тому назад — мы тоже увидим там столь привычные для нашего времени персонажи. Пожалуйста, господин Эйнацир, торговец медью и ростовщик, безжалостный к своим должникам, который также спекулировал на продаже жилплощади и садовых участков и даже не брезговал торговать одеждой, бывшей в употреблении.

Стоит добавить, что, внимательно изучая биографии выдающихся философов, мы и у них обнаруживаем столь знакомый нам, всё тот же дефицит укорененности в себе, в своем «жизненном мире» и Абсолюте. Но все это и высокие метафизические порывы могут сочетаться у них с обыденным сознанием и его вполне реалистическим практицизмом. Вы скажете, что это не имеет отношения к делу. Я же думаю, что иногда переключение на такой угол зрения полезно, позволяет разглядеть сквозь все концептуальные нагромождения, искусные, правдоподобные, безупречно логичные построения и всевозможные хитросплетения мысли некоторый глубинный инвариант подлинной человеческой реальности и жизненного смысла. И это может служить стимулом для критического размышления о привычных философских схемах и подходах, для актуализации и осмысления важнейших социогуманитарных проблем.

Когда я говорю о философском здравом смысле, то имею в виду свой личный опыт. Но, думаю, что нечто в этом роде присуще многим философам, долго жившим и поведавшим всякое. Жизненный опыт, несомненно, существенно влияет на философскую деятельность, в той или иной степени встраивается в нее, образуя ценностно-смысловые интенциональные структуры подобные той, о которой у меня шла речь. Они обычно слабо рефлексированы, но так или иначе, явно или неявно влияют во многом на наши критические и самокритические интенции.

Мне осталось ответить на два ваших вопроса.

Для поддержания тесных научных контактов важно не только сходство позиций по интересующей обе стороны проблеме, но еще в большей степени их различие; разумеется, при уважении друг к другу и взаимном признании профессиональной компетенции. Что касается духовной близости, то это редкий случай в моей профессиональной деятельности; в прошлом такое было, сейчас этого нет. Духовная близость у меня с друзьями, но они не занимаются философией.

Читаю ли я книги моих коллег по Институту, которые далеки от моих философских интересов? Да, читаю, хотя на это остается все меньше времени. Наши философские интересы гораздо шире тех проблем, которыми мы непосредственно занимаемся. Бывает очень и очень полезно выходить в совершенно другие философские области. Я с большим интересом прочел замечательную книгу Р.Г. Апресяна «Нравоперемена Ахилла (на материалах гомеровского эпоса)». То же самое могу сказать о книге В.П. Визгина «Пришвин и философия»; с удовольствием и большой пользой для себя читал ряд работ этого талантливого, многостороннего автора. Несколько лет тому назад с интересом прочел книгу Ю.В. Синеокой «Фридрих Ницше и философия в России». Читал и многие другие книги.

Хочу особо отметить одну, недавно вышедшую книгу, которая произвела на меня сильное впечатление. Это книга очень близко знакомого вам автора [3]. О ней невозможно говорить кратко. Это — фундаментальный труд, в котором наряду с развитием идей Хайдеггера представлена самостоятельная многоплановая концепция автора, посвященная ключевым проблемам феноменологии и экзистенциализма — проблемам, которые столь остро востребованы нынешним развитием земной цивилизации. Эту книгу нельзя просто прочесть, её богатейшее содержание надо систематически изучать. Оно несет новые идеи и новые стимулы для глубокой разработки проблемы Человека и его будущего. Я надеюсь, ни у вас, ни у других не возникнет подозрения в искренности моей общей оценки.

Ю.М.: Давид Израилевич! Я знаю, что Вы встречались несколько раз с Далай-ламой. Что Вас связывает с этим выдающимся человеком и общественно-религиозным деятелем? Чему Вы у него научились и что, на Ваш взгляд, он позаимствовал у Вас? И как это вообще повлияло на Ваши философские занятия?

Д.И.: Далай-лама дважды приглашал нас для обсуждения проблемы сознания. Первый раз конференция проводилась в Дели (август 2017 г.), второй — в Дхарамсале, резиденции Далай-ламы (май 2018 г). В них участвовали К.В. Анохин, Т.В. Черниговская, В.Г. Лысенко и несколько других ученых. Общение с Далай-ламой было для меня подлинным откровением. Все мы чувствовал идущую от него добрую живительную энергию. Он создавал некий, незнакомый мне ранее, тип общения, особую атмосферу искренности, открытости, доверия и уважения друг к другу.

Я выступал с докладами на конференциях и участвовал в дискуссиях, которые были для нас интересны и весьма полезны. В буддизме нет Творца, есть бесконечная Вселенная и человек с его поступками. Поэтому буддизм, как ни одна другая религия, открыт к науке, готов пользоваться ее результатами. Далай-лама удивлял нас своей выдающейся эрудицией. Он хорошо разбирался не только в ключевых проблемах нейронауки, но также в биологии, физики, космологии. Это во многом было связано с его многолетней дружбой с Дэвидом Бомом, Карлом фон Вайцеккером, Фрэнсисом Варелой, другими крупными учеными. Ещё в 1973 г. Далай-лама познакомился с Карлом Поппером, который тоже стал его близким другом, и он с ним многократно

обсуждал философские вопросы науки. О широте и основательности научных взглядов Далай-ламы может свидетельствовать его замечательная книга «Вселенная в одном атоме. Буддизм и наука на службе миру», к которой мною по просьбе Тибетского фонда написано предисловие (см. прим. 3).

Глубокие исследования проблемы сознания Далай-лама связывал с задачами решительного противостояния нарастающему кризису земной цивилизации. «Бездействовать перед лицом глобальных проблем непростительно... Мы остро нуждаемся в фундаментальном изменении человеческого сознания». Это требует «вращения», по выражению Далай-ламы, «сострадания» и «доброты души», искоренения духа «безудержной алчности и агрессивности» [1, 109, 120].

Я привел эти слова Далай-ламы, чтобы подчеркнуть, насколько были близкими наши исходные позиции и главные вопросы. Буддизм располагает исключительно развитой феноменологией субъективной реальности, тысячелетним опытом медитативных практик, опытом управления собственным сознанием, изменения его стойких диспозициональных структур, что представляет первостепенную ценность для современных исследований сознания и для нашего сотрудничества. Именно в этом плане, прежде всего, общение с Далай-ламой и буддийскими учеными существенно обогатило наши знания и создало новые стимулы для исследования способов раскрытия и приведения в действие обширных ресурсов самопознания, саморегуляции, самосовершенствования, которые таятся в каждом из нас, но, как правило, остаются неиспользованными.

Что Далай-лама заимствовал у нас? Думаю, тоже не мало. Свидетельством этого служит его большой интерес к нашим докладам, его многочисленные вопросы и слова о желании и дальше развивать сотрудничество с российскими учеными. Лично мне Далай-лама уделял много внимания, приветствовал по тибетскому обычаю лобко лбу, обнимал и усаживал рядом за обедом (совместные с ним фото не раз тиражировались в нашей прессе). Эта радость близкого общения с ним, его душевная энергия живут во мне, укрепляют мои жизненные силы.

Ю.М.: Давид Израилевич! Чаще всего философа представляют сидящим в тиши кабинета и обязательно возле груды книг. Как Вам удаётся совмещать кабинетную работу, официальные встречи в институте, дружеское общение, занятия единоборствами и воспитание сына? Что в этом замечательном ансамбле является стержнем или «связующим звеном»? Является ли философия для Вас образом жизни?

И, наконец, заключительный вопрос. Считаете ли Вы себя «сапожником без сапог», т.е. насколько Ваша позиция в философии расходится с жизненной позицией? Или Вы можете причислить себя к тем счастливицам, кого называют «философом по жизни»?

Д.И.: Как удается все сочетать? Что является «стержнем»? Стержнем является семья, сочетать удается, благодаря моей любимой жене Ольге Васильевне Дубровской, которая взяла на себя абсолютно все заботы о житейских делах, помогает мне на каждом шагу, отдает свои силы и любовь мне и нашему сыну Саше. И еще «сочетать» удается потому, что, несмотря на свой возраст, я могу работать по 10 часов в сутки.

Такой способностью я во многом, наверное, обязан тем, что около пятидесяти лет занимаюсь каратэ-до. Мне сильно повезло, что у меня был замечательный учитель Владимир Елисеев, без преувеличения, выдающийся мастер восточных единоборств. Я учился у него восемь лет, когда уже был профессором МГУ и думал, что очень многое понимаю в психологии. Но он открыл мне новые горизонты самопоз-

нения и саморегуляции. Научил не только каратэ, но и многому другому, например, укрощению амбиций, своего рода спокойствию духа при несправедливых оценках моей философской деятельности со стороны начальства или «общественности» и т.п. Большое благо!

Ведь раньше я в таких случаях очень переживал, а теперь более или менее спокоен. В 1986 г. я получил черный пояс от имени Японской федерации каратэ-до, вел группы своих учеников, был даже Председателем Всесоюзного центра изучения восточных единоборств в те годы, когда каратэ у нас было запрещено (за это давали до 5-ти лет). Центр работал благодаря поддержке академика И.Т. Фролова, который являлся Секретарем ЦК КПСС и Главным редактором газеты «Правда». До 86-летнего возраста я вел семь лет занятия каратэ в нашем Институте (прекратил после неудачной операции по удалению желчного пузыря).

Долго говорю о каратэ, так как оно играло в моей жизни важную роль. Наш стиль ученично сильно отличался от наиболее распространенных в России жестких стилей (шото-кан и др.). Это – континуальный стиль, с легкими, очень быстрыми действиями, который учит способности расслабления, включает медитативные практики и ряд установок дзен-буддизма. По канону – первыми не бьем. На первом плане искусная защита. Но если противник атакует, он «открывается», и вот тогда мы наносим решающий удар. Занятия нашим стилем полезно для здоровья. До сих пор я по утрам по 30-40 минут занимаюсь. Как ни странно, я долго не мог заставить своего сына учиться каратэ. Но последние три года каждую неделю мы с Сашей по полтора-два часа «работаем». Он уже получил желтый и зеленый пояса, а совсем недавно и синий пояс. Это уже довольно высокий уровень: в спаррингах с ним мне иногда перепадает.

И теперь ваш заключительный вопрос. Насчет «без сапог» – это слишком сильное утверждение. Наряду с сапогами, у меня есть другая разная обувь. Вряд ли кто-нибудь из наших коллег является «философом по жизни». Но философские знания и убеждения, безусловно, оказывают большое влияние на мировоззрение, поведение, способы деятельности; и чем дольше живешь, тем в большей мере.

Спасибо вам за столь большое внимание, которое вы мне уделили.

Ю.М.: И Вам, Давид Израилевич, огромное спасибо за откровенный и содержательный рассказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Далай-лама. Больше чем религия. Этика для всего мира. – М. Фонд «Сохраним Тибет». 2016. – 224 с.
2. Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг: Теоретическое решение». – М.: Канон+, 2015. – 208 с.
3. Резник Ю.М. Феноменология человека. Бытие возможного. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; Культура, 2017. – 632 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Dalay-lama. Bol'she chem religiya. Etika dlya vsego mira. – M. Fond «Sokhra-nim Tibet». 2016. – 224 s.
2. Dubrovskiy D.I. Problema «Soznanie i mozg: Teoreticheskoe reshenie». – M.: Kanon+, 2015. – 208 s.
3. Reznik Yu.M. Fenomenologiya cheloveka. Bytiye vozmozhnogo. – M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya»; Kultura, 2017. – 632 s.

Примечания

1. См.: Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. – 1968. – № 11. – С. 150; Дубровский Д.И. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии. 1969 – № 3. – С. 142-146.

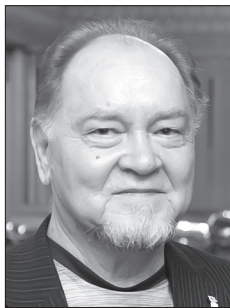
2. В недавно вышедшей книге, подытоживающей мой 50-летний опыт исследования проблемы сознания, приведены статьи, посвященные критическому анализу альтернативных концепций, в т.ч. ведущих представителей аналитической философии. См.: *Дубровский Д.И.* Проблема сознания: Теория и критика альтернативных концепций. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.

3. См.: Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Буддизм и наука на службе миру. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. — 256 с.

Поступила в редакцию 14.08.2019 г. (№ 2367)

UDC 101.9

DOI: 10.30936/1606-951X-2020-22-1/2-211-225

В.А. КОНЕВ, Ю.М. РЕЗНИК

ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Часть 1 (29 октября 2019 г.)

Аннотация: Беседа профессора Ю.М. Резника с профессором В.А. Коневым объединяет две темы. Первая посвящена обсуждению философской ситуации в современной России. Собеседники отмечают изменения, которые происходят как в содержании философских исследований, так и в институциональных формах организации жизни и деятельности философского сообщества в постсоветское время. Особое внимание собеседники уделяют возможностям и условиям интеграции российской философии с мировым философским сообществом.

Вторая тема беседы — направленность и содержание исследований в области философии культуры. Здесь внимание сосредоточено на проблеме специфики философского анализа культуры, особенностей развития современной европейской культуры, месте и роли индивидуального начала в культуре.

Abstract: Talk by Professor J.M. Reznik with Professor V.A. Konev combines two themes. The first is devoted to the discussion of the philosophical situation in modern Russia. The interlocutors noted the changes that occur in the content of philosophical studies, and in the institutional forms of life and activity of the philosophical community in the post-Soviet era. Particular attention is given to possible interlocutors and conditions of integration of the Russian philosophy of world philosophical community.

Конев Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор Самарского университета (Самара). E-mail: vakonev37@mail.ru;

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра философских коммуникаций Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.